

B.

**OTÁZKY MLUVENÝCH PROJEVŮ
A ASPEKTY STYLICKÉ**

KAZIMIERAS ŽUPERKA (Siauliai)

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

В описании синтаксической синонимии можем выделить два этапа: 1. определение условий синонимической дистрибуции, т. е. отделение случаев синонимичности от случаев комплементарности; 2. определение условий употребления синонимических конструкций. Конечно, „найти четкие мотивы выбора того или иного варианта в ряде случаев просто невозможно“,¹ но можно и нужно установить закономерности употребления вариантов; многие исследователи синонимии этим и занимаются.

Употребление синтаксических синонимов во многом зависит от актуализации пропозиции: от характера актуализации, возможности разных актуализаторов и т. д. Возьмем для примера синонимический ряд конденсации сложноподчиненного предложения в современном литовском языке. Как и во многих славянских языках, синонимическую конденсацию придаточного предложения представляет следующий ряд: причастие (полупричастие, деепричастие) — инфинитив — существительное — прилагательное — наречие (или соответствующие обороты). При описании семантико-экспрессивных различий конденсатов могут быть использованы следующие основные оппозиции: 1. компактность — некомпактность, 2. динамичность — статичность, 3. конкретность — абстрактность, 4. эксплицитность, — имплицитность, 5. агентность — деагентность, 6. объективность — субъективность.² Этими оппозициями отчасти можем мотивировать использование/неиспользование актуализации пропозиции в высказывании. Многие оппозиции между собой перекрещиваются, однако построить логически стройную, неперекрещивающуюся систему семантико-экспрессивных различий вряд ли возможно. Разумеется, не все оппозиции в равной мере свойственны каждому ряду синонимических конденсатов. Например, оппозиция объективность — субъективность в указанных типах конденсатов, можно сказать, отсутствует, но предпосылки для выражения эмоциональности у них неодинаковы. Многие сигнализаторы эмоций — интенсификаторы (частицы и другие подчеркивающие слова), повторение союзов, „пропуск“ глагола, синонимика форм времен глагола, вариации актуаль-

¹ А. Супрун, *Вероятностный характер языка и описание грамматической системы*, „Грамматическое описание славянских языков“. Москва, 1974, стр. 12.

² Ср. типы конкурентов в: М. Jelínek, *Stylistické aspekty gramatického systému (Gramatické dublety a konkurenty)*, „Stylistické studie II“. Praha, 1974.

ного членения, выражение пропозиции фразеологизмом³ — возможны только в придаточном предложении.

В этом отношении показательна синонимика конструкций *nominativus cum participio* и соответствующих придаточных предложений. При категорическом утверждении, подчеркивании мысли (выражение главной предикации иногда приближается к вводным словам) вторая пропозиция выражается придаточным предложением, напр.: *Sakiau, kad aš sučiupsiu tą velnią!* (Жмяйте). Ср. *Sakiau sučiupsiąs*. Конструкция с именем существительным в этом синонимическом ряду еще в большей степени, чем конструкция *nominativus cum participio*, затемняет действующее/говорящее лицо второй пропозиции. Ср.: *gąsdino, kad užmuš — gąsdino užmušiąs — gąsdino užmušimu*.

В современном русском языке в указанном ряду конструкция *nominativus cum participio* отсутствует. Сравнение перевода текстов с конденсатами подтверждает, что литовский язык гораздо чаще, чем русский, прибегает к глаголу. Например, в одном коммюнике („Правда“, 1972, 152) употреблено 18 конденсатов указанного ряда: из них 13 конструкций с именем существительным (*подтвердили готовность, договорились о расширении*) и 5 — с инфинитивом (*договорились продолжать, решили создать*). На литовский язык („Tiesa“, 1972, 126) все конструкции с инфинитивом переведены также инфинитивом (*susitarė vesti, nutarė sudaryti*), а номинативные конструкции переведены так: 2 — придаточными предложениями, 5 — конструкциями *nominativus cum participio*, 2 — инфинитивными конструкциями и лишь 4 — именем существительным.

³ Ср. М. Grepl, *Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi*, Brno, 1967.